

¹Ержан З.М., ²Масалимова А.Р.

¹Евразийский технологический университет, Алматы, Казахстан

²Академия государственного управления при Президенте

Республики Казахстан, Астана, Казахстан,

E-mail: ¹zemfirayerzhan@gmail.com, ²a.masalimova@apa.kz

НОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

Аннотация. Статья посвящена изучению ревизионистской англоязычной историографии Японской империи, в рамках которой осуществляется пересмотр ее одномерной интерпретации как милитаристского колониального режима, осуществлявшего националистическую экспансионистскую политику. Выявленные при этом малоизвестные ранее факты истории Японской империи позволяют обнаружить известное сходство стратегий японской и советской политик на геополитической сцене первой четверти XX века. Новизна исследования состоит в том, что в ней обращается внимание на перспективность сравнительного изучения вдохновленной идеями паназиатизма Японской империи и социалистического СССР как инициаторов создания альтернативных проектов современности, противостоящих западному империализму. Задачей исследования является изучение особенностей, принципиально отличающих Японскую империю и СССР от современных западных империй. Обе страны позиционировали себя как активные агенты антиимпериалистической борьбы, выступали за расовое равенство, поддерживали антиколониальные движения в Азии; стремились реализовывать проекты социального развития, базирующиеся на равноправии народов и их мирном сосуществовании. Цель статьи заключается в том, чтобы обосновать закономерность сравнительного изучения внешней и внутренней политик Японской империи и СССР, основанных на материалах современной англоязычной историографии. Статья базируется на методологии культурологии, которая, будучи дисциплиной зонтичного типа, апеллирует к концепциям цивилизационного подхода, новой имперской истории, глобальной и транснациональной историй, истории памяти. Результаты статьи фокусируют внимание на перспективах компаративистского изучения траекторий развития Японской империи и СССР, альтернативных западному мировому порядку, которые ранее казались параллельными и не предполагали никаких точек пересечений.

Ключевые слова: Японская империя, альтернативные проекты модерна, история памяти, история империй, сравнительные исследования Японской империи и СССР, паназиатизм, ревизионистская англоязычная историография Японской империи

Введение

Поражение Японии во Второй мировой войне привело к возникновению неординарного, и в то же время показательного, историко-культурного феномена – осознанному забвению фактов и процессов, которые были частью текущей современной реальности. Речь идет о том, что на протяжении долгого времени из памяти нескольких поколений, равно как и из академического дискурса, была изъята и почти стерта история полувекового существования Японской империи (1895 – 1945 гг.). Между тем, ее историческое значение было существенным. Она сыграла большую роль в контексте изменений международного порядка, придав важность азиатскому вектору развития современности. Так, была

предпринята попытка реализации альтернативного проекта регионального развития в виде «Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания». Политика Японской империи, в значительной мере, способствовала окончательному краху западной колониальной системы, заложив основы возникновения современных независимых государств в Юго-Восточной Азии.

Территория, занимаемая Японской империей, была обширной и могла соперничать с самыми крупными западными империями. К концу 1942 года она включала - помимо Тайваня, Кореи, Курильских островов, Южного Сахалина, ряда регионов Китая - земли от Соломоновых островов в центральной части Тихого океана до границы Бирмы с Индией, от тропических лесов Новой Гвинеи до холодных островов архипелага Аляски. В ней проживало 340 – 350 миллионов человек, что в пять-шесть раз превышало население довоенных Французской и Голландской империй, или составляло примерно три четверти населения Британской империи (Duus, 1996: xxi).

На «обломках» Японской империи впоследствии возникли такие независимые государства, как Южная и Северная Кореи, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Лаос, Камбоджа.

В настоящей статье объектом исследования являются изменения в геополитических процессах в первой половине XX века, связанные с развитием Японской империи и СССР. Предметом изучения в ней выступает обзор новой историографии Японской империи, которая знакомит с неизвестными ранее фактами и процессами в ее истории. Результаты данного обзора позволяют, на основе применения методов историзма и сравнительного анализа, выдвинуть гипотезу исследования. Она заключается в том, что Японская империя и СССР обнаруживают известное сходство в реализации внешней и внутренней политик, которое можно охарактеризовать как альтернативные проекты развития современности, противостоящие идеологии западного империализма. Значение данной публикации состоит в том, что она предлагает новые подходы в сравнительном изучении Японской империи и СССР, которые впоследствии могут найти продолжение в рамках междисциплинарных исследований.

Материалы и методы исследования

Основное внимание послевоенной историографии, в том числе, в самой Японии, было сосредоточено на осуждении действий японского милитаризма в периоды до и во время Второй мировой войны. Господствовала точка зрения о том, что именно военные круги Японии, прервав и нарушив мирное развитие страны, ввергли ее в мрачную пятнадцатилетнюю войну, завершившуюся тотальным поражением.

Лишь начиная с середины 70-х годов XX века стали появляться англоязычные публикации, призванные более объективно осветить этот период японской и всемирной истории. Однако и в наши дни у исследователей есть основания называть Японскую империю забытой (Kushner, 2020: 7), поскольку, в целом, ее изучение представляет собой относительно новую сферу исследований.

Кроме того, к настоящему времени она также стала полем «борьбы историографий», поскольку многие новые интерпретации не всеми оцениваются однозначно. Ряд авторов считают их призванными обелить процессы, характеризующиеся как негативные, а порой и преступные. Это касается и позиции представителей регионов, аннексированных и включенных в состав Японской империи; и факта нападения на Перл-Харбор, который стал в США символом японского милитаризма; и участия Японии в политическом блоке «Оси» фашистских государств Германии и Италии, и т.д. В статье С. Саалера, ревизионизм истории Японии характеризуется как специфическое проявление коллективного нарциссизма (Saaler, 2023).

В самой Японии публичные дебаты об исторической роли «Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания» начались в начале 60-х годов на фоне нестабильной политической обстановки в мире и усиления борьбы противостоящих лагерей в условиях холодной войны. (Duus, 1996: xli)

Значительный рост внимания к японской имперской истории, наблюдавшийся в 80-е – 90-е годы, был вызван серьезными изменениями в геополитической ситуации, а именно: успешным экономическим ростом стран Юго-Восточной Азии и перспективами формирования на этой территории регионального блока. В высказываниях лидеров азиатских стран стали обсуждаться «восточные ценности», которые, по их мнению, способствовали успеху этих обществ и могли стать основой для их сближения. Такая риторика была расценена как восстановление памяти об идеологии японского паназиатизма и его новое рождение в контексте современной политики. (Szpilman, Saaler, 2011: 24)

К настоящему времени исследователи Японской империи обсуждают несколько ведущих тем. Среди них – проблематика паназиатизма, создание «Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания», многообразные аспекты взаимоотношений между метрополией и перифериями, роль Японии в системе международных отношений, особенности развития марионеточного государства Маньчжоу – Го (1931 – 1945 гг.), «алмаза в короне Японской империи»; вопросы формирования эффективных механизмов японской пропаганды, включая их проявления в политическом плакате, художественной литературе, искусстве кинематографа.

Отмеченное разнообразие подходов обусловлено появлением и развитием за последние десятилетия новых историко-культурных концепций, в рамках которых продуктивно изучение истории Японской империи.

В первую очередь, речь идет о новой имперской истории, методике, которая была сформирована историками Великобритании в начале 70-х годов XX века. Она изучает не только структуры управления, но, главным образом, принципы взаимодействия между метрополией и перифериями; вопросы формирования идентичностей. Хотя Японская империя не всегда входила в число изучаемых имперских образований, в последние годы ситуация стала меняться. В любом случае, популярный ныне имперский фокус исследований может применяться для истории Японии, учитывая при этом, что возникновение и становление современной азиатской империи имели свои отличительные особенности (Hein, 2023).

Большой интерес к Японии, в том числе к ее имперскому и послевоенному периодам, проявляется в рамках глобальной истории, которая изучает локальные процессы с глобальной точки зрения, актуализируя при этом сравнительные методы исследований. Один из наиболее ярких представителей этого направления С.Конрад посвятил ряд своих трудов и публикаций японской проблематике (Conrad, 2010, 2012).

Еще одной перспективной концепцией, близкой по своим задачам глобальной истории, является транснациональный подход к изучению истории. В сборнике, который был посвящен изучению истории Японии в рамках транснационального подхода, он определен следующим образом. - Транснациональный подход фокусируется на трансграничных потоках; рассматривает государство в его глобальном контексте; изучает локальные последствия этих трансграничных тенденций. (Iacobelli, 2016: 2)

Современные постколониальные исследования, наряду с концепцией колониальной современности (Barlow, 1997), также выступают закономерными направлениями исследований, в контексте которых рассматривается история Японской империи.

Среди разнообразия новых методологических концепций особо следует выделить исследования П.Дуара, который на основе изучения истории Японской империи, ее взаимоотношений с Китаем, Кореей и странами Юго-Восточной Азии, обосновывает

применимость к данному историческому материалу методов цивилизационного подхода. П.Дуара, констатируя актуализацию восточных философских традиций в рамках идеологий азиатских стран, предлагает ввести понятие «восточно-азиатского» модерна как альтернативы западной современности (Duara, 2004, 2006).

Таким образом, история Японской империи, которая была предана забвению после поражения страны во Второй мировой войне, в условиях новых геополитических реалий начинает исследоваться учеными, использующими многообразие современных методологических подходов. Одна из основных тем настоящей публикации, описывающая процесс забвения, изъятия из памяти этого важного исторического процесса, тематически относится к проблематике Memory Studies, исследований исторической памяти. Это междисциплинарное направление, сформировавшееся в начале 90-х годов XX века, открыто к использованию широкого круга концепций и теорий социо-гуманитарных дисциплин. В предлагаемой статье, которая основана преимущественно на историографическом анализе, историческая память признается ее естественным ландшафтом исследования.

Обсуждение

В англоязычной историографии Японской империи XX века особое место занимают два издания, которые первыми привлекли внимание к необходимости объективного и всестороннего ее изучения. Речь идет о сборнике документов, посвященных Великой Восточноазиатской Сфере совместного процветания, выпущенному под редакцией Дж. Лебра, в 1975 году (Lebra, 1975); а также сборнике статей «Японская колониальная империя: 1895 - 1945», изданном под редакцией Р.Майерса и М. Пити в 1984 году (Myers, 1984).

Их значение состоит в том, что в них был очерчен тот круг вопросов, которые впоследствии сформировали основную исследовательскую проблематику изучения Японской империи.

В первую очередь, важным представляется выявление роли паназиатизма применительно к контексту изучения Великой Восточноазиатской Сферы совместного процветания. Во вступительной статье к сборнику Дж.Лебра отмечая, что «ученые до самого недавнего времени избегали изучения идеологии и обоснований, на которых основывалась политика военного времени» (Lebra a, 1975: ix), указывает на важность и раскрывает роль паназиатизма как идеологии, связанной со становлением Сферы. В сборнике, возможно, впервые в таком объеме представлены материалы, которые дают возможность познакомиться с этим феноменом. Здесь собраны публикации паназиатистов, которые лежали в основе идеологии Сферы (в том числе, Роямы Масамичи, Окавы Шумея); документы японского правительства, связанные с видением ее развития; статьи современных исследователей и политиков, в которых анализируется данный исторический период.

Дж.Лебра рассматривает несколько этапов развития паназиатской мысли, начиная с ее «романтической» стадии, которая характеризовалась достаточно широкой поддержкой политических изгнанников из других стран региона: Китая, Кореи, Индии, - и заканчивая ее широким использованием в построении государственной идеологии. То есть, он обращает внимание на то, что паназиатизм был явлением, которое претерпевало соответствующие исторической обстановке изменения.

Кроме того, Дж.Лебра пишет о причинах, по которым современные ему исследователи избегают изучения и анализа Сферы. Такие причины он делит на внешние и внутренние. С одной стороны, это связано, по его мнению, с нежеланием японских ученых разбираться в том, что связано с драмой поражения и горечь за то, что гражданское общество не смогло противостоять амбициям милитаристов. С другой стороны, он указывает на особенности современных международных отношений, в которых японцам невыгодно напоминать странам Юго-Восточной Азии о фактах недавней истории. К тому же, некоторые лидеры

этих стран, в свою очередь, не хотят признавать вклад Японии в обретение ими независимости. Таким образом, Дж.Лебра актуализирует тезис о позитивной геополитической роли Японской империи в судьбе стран региона (Lebra a, 1975: ix).

В сборнике представлена статья Р.С. Уорда 1945 года, в которой он достаточно подробно описывает стремление Японии объединить азиатские народы в борьбе против западного колониализма (Ward, 1945). В продолжение этого контекста, на страницах сборника, политический деятель Бирмы Ба Мо, занимавший пост премьера, в своей статье «Инверсия японских целей» делает следующее важное замечание: «Случай Японии поистине трагичен. С исторической точки зрения, ни одна страна не сделала так много для освобождения Азии от господства белых, и ни одна страна не была столь не понята теми самыми народами, которым она помогла освободиться или во многом подала пример. ... Даже сейчас, даже при нынешнем положении дел, ничто не может перечеркнуть ту роль, которую Япония сыграла в освобождении бесчисленных колониальных народов» (Maw, 1968: 158).

Примечательно, что Дж.Лебра характеризует высказывание Ба Мо как аномалию – «Ba Maw discusses the anomaly ...» (Lebra, 1975: xix). Впоследствии замечание о наличии других аномалий в истории Японской империи, изучение различий японской колониальной политики от таковой в западных странах, будет подхвачено и развито М.Пити и новой когортой исследователей.

Дж.Лебра во вступительной статье приводит также слова военного корреспондента М. Сидзуо, который отмечает такую отличительную черту японского колониализма, как поддержка местных национализмов: «Япония проявила сочувствие, равноправие и поддержку азиатскому национализму, чего никогда не демонстрировали европейские колониальные державы. Это нашло отражение в беспрецедентном опыте, приобретенном жителями Юго-Восточной Азии в процессе самоуправления под японской военной администрацией, опыте, который внес позитивный вклад в развитие независимой послевоенной Юго-Восточной Азии» (Lebra a, 1975: xx).

Вместе с тем, наряду с публикациями сборника, в которых присутствуют позитивные оценки Японской империи, здесь также представлены статьи, отстаивающие противоположные точки зрения – об исключительно захватнической и вероломной роли японского милитаризма.

Рассмотрим, какое развитие получили в дальнейшем новые взгляды на историю Японской империи и Великой Восточноазиатской Сферы взаимного процветания, сформированные в сборнике Дж.Лебра.

Во вступительной статье к сборнику 1984 года «Японская колониальная империя: 1895 - 1945» М.Пити, ставит своей целью рассмотреть Японскую империю в контексте западных империй. Классифицируя типы колониальных империй, он, так же, как и Дж.Лебра, использует определение «аномалии». Глава его статьи носит название «Японская колониальная империя как аномалия» и начинается словами: «Будучи единственной незападной империей недавнего времени, Японская колониальная империя представляет собой аномалию современной истории». («As the only non-Western imperium of recent times, the Japanese colonial empire stands as an anomaly of modern history») (Peattie, 1984: 6).

Аномалии японского колониализма заключаются в том, что основная причина его формирования состояла в необходимости защиты своего суверенитета. Непохожести и несходства с современным империализмом проявлялись также в расовой идентичности и культурной близости японцев с покоренными народами, что влекло за собой отсутствие идеологии расового превосходства и достаточно высокую степень интеграции колонизаторов и колонизируемых; опоре на мессианскую роль паназиатизма в процессе освобождения

азиатских народов от западного империализма и риторике братского сотрудничества; активной промышленной индустриализации периферий.

В целом, М.Пити оценивает Японскую империю как эффективную, стабильную, приведшую к улучшению экономического положения колонизированных территорий, положения в сфере образования и здравоохранения.

В то же время М.Пити делает множество уточняющих пояснений своей позиции в связи с тем, что обиды бывших колониальных подданных создали Японии «дурную репутацию худшей из всех колониальных держав мира» («a malodorous reputation as the worst of all the world's colonial powers».) Свою задачу он видит в том, чтобы «по-новому взглянуть на японский колониализм во всей его полноте, стремясь не столько к его оправданию или осуждению, сколько к его пониманию» (Peattie, 1984: 47). Однако исследование истории Японской империи вне шаблонов старой историографии, учитывая, как отмечает М.Пити, «эмоциональные взаимные обвинения сторон, неполные или спорные данные и узкоспециализированную аналитическую методологию», представляется достаточно сложной задачей, с которой вряд ли можно будет успешно справиться и в будущем (Peattie, 1984: 36).

В начале 90-х годов обозначилась тенденция, которая подтверждает старую истину о том, что историю пишут победители. Если ранее поиски причин забвения Японской империи рассматривались в контексте послевоенных отношений Японии со странами региона, то статья «Американская Япония / Японская Япония» Г.Харатуняна в сборнике 1993 года (Harootunian, 1993) обращает внимание на роль американской оккупации, во время которой были предприняты шаги по созданию оккупационной версии японской истории. Ее основной целью было превращение страны из бывшего врага в надежного союзника в условиях холодной войны, сделав ее «витриной» успешного развития капиталистического мира, одновременно изолируя ее от региональной проблематики.

В рамках теории модернизации, в фокусе которой рассматривалась современность Японии, война на Тихом Океане была либо маргинализирована, либо объяснялась как отклонение от демократического курса Японии 30-х годов. Теория модернизации для Японии была сформирована на Конференции по современной Японии, которая проходила в курортном городе Хаконэ в августе 1960 года.

Начало же процессам пересмотра новейшей истории Японии было положено на Токийском процессе над военными преступниками. П.Дуус во вступительной статье к сборнику о Японской империи периода войны 1931 – 1945 годов, изданном в 1996 году, указывает на роль заключительных положений трибунала, которые привели к односторонней трактовке современной истории и впоследствии стали основой забвения многих фактов и процессов. Он пишет: «... токийские судебные процессы над военными преступниками ещё более радикально изменили представление об империи военного времени, лишив войну какого-либо «всемирно-исторического значения» или какой-либо искупительной исторической ценности. Окончательный приговор трибунала определил её как агрессивную войну, направленную на господство в Восточной Азии, Тихом и Индийском океанах, как национальный позор, который должен быть искуплён восстановлением Японии как миролюбивой демократии» (Duus, 1986: xli).

Маргинализация истории Японской империи; приоритет «японской версии» теории модернизации, которая фокусировалась на линейном европоцентристском идеале развития общества и, опираясь на веберовские тезисы, акцентировала культурные аспекты его развития, привела к ориентализации японской проблематики. Она способствовала распространению исследовательских подходов, основанных на эссенциализме.

Позже, в 2012 году, С.Конрад в обширной статье, посвященной глубокому анализу последствий забвения Японской империи, связанного с процессом формирования теории модернизации, один из ее разделов назвал «Империя стерта с лица земли». Он характеризует

результаты этой масштабной идеологической кампании, отразившейся на японской историографии, следующим образом: «С тех пор господствующий дискурс основывался на построении однородного японского народа (*tan 'itsu minzoku ron*), который жил на своем мирном архипелаге в этнической изоляции и чистоте» (Conrad, 2012: 212).

Подводя итоги обзора англоязычных публикаций последней четверти XX века, необходимо констатировать становление новой проблематики изучения Японской империи, которая включает обширный круг вопросов, начиная от выявления типологии современных империй и заканчивая влиянием задач современной геополитики на интерпретацию исторических фактов.

Англоязычная историография XXI века демонстрирует значительный рост публикаций, обращенных к истории Японской империи. Среди них – сборники, посвященные тематике национализма и интернационализма в контексте развития Японской империи (Narangoa, 2003; Stegewerns, 2003; Zhouxiang, 2023); освещающие вопросы постимперского наследия Японии и проблематику регионализма (Saaler, 2003; Frey, 2016; Kushner, 2020); посвященные социо-культурному развитию Маньчжурии эпохи Японской империи (Tamanoi, 2005).

Значительный объем историографии стали составлять авторские монографии. Среди них – книги о паназиатизме: Э.Хотты (Hotta, 2013), Ю.Кишиды (Kishida, 2021); о Великой Восточноазиатской Сфере совместного процветания: Дж. Йеллена (Yellen, 2019); о японской Маньчжурии: П.Дуары (Duara, 2004), Ю.Матсузаки (Matsusaka, 2001); о политике Японии в сфере международных отношений: Т.Буркмана (Burkman, 2008), Н.Шимацу (Shimazu, 2009); об имперской пропаганде В.Кушнера (Kushner, 2021).

Направление транснациональных исследований представлено в трудах интернациональной «команды» исследователей. Дж.Айдын рассматривает панисламизм и паназиатизм как реализации политики антивестернизации в Азии (Aydin, 2019). С.Конрад сравнивает особенности послевоенных историографий Японии и Западной Германии (Conrad, 2010). История паназиатизма закономерно рассматривается в контексте развития идеологических нарративов Китая. Монографии В.Мурти (Murthy, 2023) и К.Смита (Smith, 2021), посвященные этой теме, вносят значительный вклад в изучение паназиатизма как международного явления.

К теме травмы поражения обращается в своей монографии А.Хашимото (Hashimoto, 2015), исследования травмы войны в странах Восточной Азии посвящен сборник под редакцией Т.Бурета и Дж.Кингстона (Burrett, 2024).

К отмеченному кругу публикаций применимо замечание Питти, сделанное им в 70-х годах, на начальном этапе ревизионистского анализа довоенного и военного периодов японской истории, о том, что задача исследователей состоит не в их оправдании или осуждении, а – в понимании. Наряду с этим представляется, что, в целом, новейшая историография развивает основные положения, которые были выдвинуты исследователями-ревизионистами в 70-е – 90-е годы.

Среди новейшей англоязычной историографии Японской империи следует отметить несколько монографий, написанных авторами, выходцами с постсоветского пространства: А. Бухом (Bukh, 2011, 2020), Т. Линхоевой (Linkhoeva, 2020), Ш. Муминовым (Muminov, 2022). Их исследования значительно расширяют географические и тематические границы изучения японской истории, которые до настоящего времени не были актуализированы.

Примечательно, что в англоязычных исследованиях Японской империи (за исключением трудов исследователей, имеющих постсоветское происхождение) упоминания об СССР, предполагающие перспективы компаративистского анализа, встречаются достаточно редко и обычно имеют вид кратких тезисов. (Что несравнимо с вниманием к победе Японии в войне 1905 года.) Обращается внимание на то, что опыт социалистического планового строительства и национальной политики СССР изучался и был, частично, реализован при

формировании политики Маньчжоу-Го. Наиболее последовательно положения о влиянии СССР на формирование японской национальной политики придерживается П.Дуара, постоянно возвращаясь к этому тезису в своих трудах (Duara, 2006).

Вместе с тем, Советская Россия и азиатские народы СССР присутствовали в повестке паназиатизма. На начальном этапе Советская Россия, как следует из речей Сунь Ят Сена, видного китайского политического деятеля, рассматривалась как союзник по паназиатизму в борьбе против империализма (Murthy, 2023: 76).. Однако имели место и другие оценки реализации советской политики, сопровождавшейся насильственными методами. В 1921 году в Японии была создана Пантуранская ассоциация, которая ставила цели освобождения тюркских народов СССР от российского господства (Szpilman, Saaler, 2011: 6). Появление теории об алтайском происхождении японского языка (Duara, 2006:18, Hotta, 2007:58) и даже популярность бестселлера о самурае Ёсицунэ, который бежал на материк и впоследствии стал Чингисханом, служили основой формирования интереса к азиатским регионам СССР (Linkhoeva, 2023).

Единственная монография, обращенная к сравнительным исследованиям Японии и СССР как агентам альтернативного международного развития, которая попала в поле зрения автора этих строк, принадлежит Т. Анно. Представляется, что его книга «Национальная идентичность и статус великой державы в России и Японии: Незападные противники либерального международного порядка» (Anno, 2019) имеет широкие исследовательские перспективы, поскольку формирует тенденцию, которая позволяет определить «тандем» Японии и СССР как оппозиционный Западу. Обозначая две страны как полупериферийные, автор характеризует советский коммунизм и японский милитаризм в качестве двух ревизионистских стратегий, которые возникли в межвоенный период и продемонстрировали некоторые базовые сходства в отношении к современной геополитической ситуации. В этом заключалась их реакция на доминирующее влияние западной цивилизации, глобального неравенства и стремления построить новый международный порядок.

Действительно, сравнительный анализ внешней и внутренней политик СССР и Японской империи имеет серьезный потенциал не только в сфере международных отношений, но и в рамках изучения достаточно широкого круга социо-культурной проблематики. Наиболее очевидная из них связана с историей империй. В зарубежной историографии СССР, как правило, продолжал презентовать как имперское образование, в то время как дискуссии об имперской природе страны в самом СССР возникли лишь в постсоветский период. Если же вспомнить, что в контексте рассуждений о классификации современных империй Японию называют «аномалией», отличающуюся от современных империй, то очевидно, что СССР также может претендовать на такую характеристику. Так, книга Т.Мартина об отличительных достижениях социальной и национальной политик в СССР была названа «Империя позитивного действия: Нации и национализм в СССР, 1923-1939» (The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939). (Martin, 2001). То есть, СССР, наряду с Японией, являл собой, по известным причинам, пример аномальной империи. Конечно, данный факт книжного нейминга возник вне контекста и каких-либо рефлексий относительно японского имперского опыта. Однако он важен как для обнаружения перспектив исследований, так и для обоснования их корректности в трудах авторов, которые занимаются сравнительным изучением японской и советской истории.

Советская историография Японии довоенного и военного периодов, так же, как и публикации, посвященные теории модернизации Японии, базируются на тезисах, схожих с их до-ревизионистской трактовкой в англоязычной историографии. Для советской историографии была характерна одномерная трактовка проблематики Японской империи и Великой

Восточноазиатской сферы совместного процветания, которая рассматривала их исключительно в рамках милитаристской экспансии и колониального гнета.

С точки зрения постсоветских стран и постсоветской Центральной Азии, история Японской империи представляет интерес, связанный со сферой сравнительных исследований. В целях подтверждения выдвигаемой гипотезы о том, что социалистический СССР и паназиатская Японская империя формировали альтернативные пути развития современности, которые отстаивались ими в противостоянии западным странам, приведем следующие тезисы.

Наиболее важный из них связан с перспективами анализа национальной политики Советской России и СССР на фоне борьбы Японии за расовое равенство на международной арене в первой четверти XX века, в рамках политических переговорных процессов на Версальской конференции 1919 года (Burkman, 2008, Shimazu, 2009).

Эти драматичные для Японии события разворачивались в период становления основ национального строительства в Советской России (впоследствии – СССР), которые изначально базировались на расовом равенстве и отвергали какую-либо форму расовой сегрегации.

На фоне изучения вопроса расового неравенства и сегрегации, а также усилий японских политиков по их устранению, более очевидной становится революционная политика советской власти, которая строилась на принципах равенства национальностей. История расовой сегрегации в капиталистическом мире, которая продлилась вплоть до середины XX века, подтверждает реальные завоевания социализма в СССР, которые самими гражданами этой страны могли порой восприниматься как идеологические штампы.

Таким образом, важно констатировать тот факт, что на протяжении нескольких десятилетий Япония и СССР демонстрировали общность позиций по отношению к современному западному империализму, который основывался на идеях социального дарвинизма и представлений о легитимности господства белой расы как высшей расы. Если в СССР вопрос расового неравенства возникал лишь в контексте нарративов антиимпериалистической пропаганды, доказывающих реальные преимущества и завоевания социализма, то для Японии он стал одним из основополагающих проблемных векторов, формирующих ее политику и предопределивших во многом ее историческую судьбу в XX веке.

Вторая тема, позволяющая рассматривать опыт Японской империи и СССР в перспективе сравнительных исследований, как указывалось выше, связана с практикой реализации национальной политики и государственного управления с элементами планового развития, которые были характерны для марионеточного государства Маньчжоу – Го, находившегося под фактическим управлением Японии (1931 – 1945 гг.).

Исследователи отмечают, что и идея равенства пяти национальностей (китайцев, маньчжуров, монголов, корейцев, японцев), и принципы государственного управления экономикой, разработки пятилетних планов развития в Маньчжоу – Го могли возникнуть под влиянием советского опыта национальной и экономической политик. В идеологии общества «Конкордия», самой массовой общественной организации в Маньчжоу–Го, решение национального вопроса было ориентировано на пример СССР. П.Дуара пишет об этом обществе следующее: «Предполагая, что различные народы или национальности обладают правами и самоуважением в рамках государственной структуры, оно рассматривало себя как нацию по образцу Советского Союза национальностей или современных мультикультурных наций» (Duara, 2006: 8-9).

Примечательно, что идеи равенства наций и в СССР, и в Японии имели тенденцию к выстраиванию иерархии, подобной семейной. Японцы и русские претендовали на роль «старшего брата» в семье равноправных наций. Такое старшинство предполагало обес-

печение опеки и поддержки в отношении других членов многонационального сообщества. В то же время статус «старшего» имел значительные моральные привилегии.

Третье направление сравнительных исследований вновь возвращает к позиционированию Японии и СССР как активных агентов антиимпериализма, их риторике борьбы с современным западным империализмом и практике поддержки антиколониального движения, которые определяли идеологию этих стран. При этом антиколониальная и антиимпериалистическая риторики Японской империи и СССР сосуществовали с оправданием экспансионистской политики расширения империй, присоединением новых территорий в период между мировыми войнами. Японская империя как первая азиатская империя, а СССР как первое социалистическое государство, создавали новые «сценарии» развития международной обстановки, сотрудничества, противостояний и войн.

Стоит отметить, что при этом страны всегда причисляли друг друга к враждебному империалистическому лагерю. В советской пропаганде и учебниках Япония характеризовалась как «империалистическая Япония», в то время как СССР в Японии ассоциировался с «красным империализмом». Японии, которая также искала пути создания справедливого общества, в то же время позиционировала их как азиатскую альтернативу марксистско-ленинской идеологии (Hotta, 2007: 124). В целом, важно помнить, что определяющим вектором развития японской государственной идеологии, наряду с антиимпериализмом, был антикоммунизм.

Еще одно направление исследований, привлекательное для постсоветской Центральной Азии, связано с изучением идей паназиатизма в той мере, в которой в ее рамках выявляются и изучаются вопросы вестернизации традиционных обществ. На рубеже веков модернизационные успехи Японии в сферах общественных и экономических преобразований были примером и маяком для многих национальных движений в Азии, в том числе, казахской демократической интеллигенции, представителей Алаш-Орды.

Между тем, более глубокое и объективное изучение японской истории, возможно, даст ответы на ряд вопросов. Например, почему в 30-е годы советские граждане подверглись массовым репрессиям по обвинениям в шпионаже в пользу Японии, страны далекой и малознакомой для большинства обывателей. Было ли это связано с широким распространением сети японской разведки? Или – превентивной мерой, предотвращающей потенциальное влияние этой страны на советских граждан? Или же Япония была выбрана, в качестве идеологического конструкта, для формирования идеального образа врага? В любом случае, для выяснения данной проблемы важно знать многие детали взаимоотношений стран, которые в настоящем выпали из поля зрения и не обсуждаются исследователями.

Ответ на другой вопрос – почему в СССР были маргинализированы воспоминания о войне с Японией 1945 года на фоне достаточно активной пропаганды страданий жертв бомбардировок США городов Хиросимы и Нагасаки – понятен в контексте идеологического противостояния СССР и США в годы Холодной войны.

Особо интересными представляются также перспективы сравнительного изучения визуальной, литературной и кинопропаганды Японии и СССР. Судя по японским агитационным плакатам, в том числе, прославляющих дружбу народов Маньчжоу-Го; карикатурам военного времени; литературным произведениям, сценариям художественных фильмов, которые решали важные идеологические задачи, - все они обнаруживают стилистическое сходство с методами советской пропагандистской машины. Исследователи японской пропаганды называют ее «тотальной пропагандой» (Young, 1988).

Наконец, СССР и Японию можно отнести к числу стран, которые в разных социально-политических условиях пережили опыт исторической амнезии. В рамках данной статьи были обозначены контексты и многообразные причины, приведшие к забвению памяти о Японской империи. В истории СССР также можно обнаружить подобные примеры. Так,

факты масштабных голодоморов 20-х – 30-х годов в разных регионах страны и вызванного ими демографического урона на протяжении нескольких десятилетий замалчивались. Они представляли собой забытую (а в пространстве коллективной памяти, вследствие переживания этих трагичных событий как глубокой травмы, часто как «осознанно забытую») страницу истории и стали предметом публичных обсуждений и исследований лишь после развала СССР.

Таким образом, в траекториях исторического развития Японской империи и СССР, которые, как правило, воспринимаются как «параллельные», обнаруживается достаточно много типологически схожих проблем, основанных на критике западной цивилизации и капитализма, которые ждут своего исследования.

Результаты исследования

История Японской империи, память о которой была предана забвению после поражения страны во Второй мировой войне в 1945 году, вновь стала предметом изучения в англоязычной историографии, начиная с середины 70-х годов XX века. Такой интерес возрос в 90-е годы, на фоне успешного экономического роста стран Юго-Восточной Азии. К настоящему времени историография Японской империи представлена значительным количеством сборников статей и монографий, в которых осуществляется пересмотр господствовавших ранее взглядов на Японскую империю как исключительного оплота экспансионистского милитаризма, нацеленного на угнетение покоренных народов.

В рамках ревизионистской литературы изучаются особенности Японской империи, которые, во многих аспектах, принципиально отличали ее от современных империй Запада; исследуются политика и идеология, основанная на идеях паназиатизма, приведшие к созданию Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания.

Идеи паназиатизма о братстве азиатских народов и перспективах их мирного сосуществования могут быть оценены как социальная утопия, которая, тем не менее, лежала в основе риторики и определяла политику строительства марионеточного государства Маньчжоу – Го, а также оказала влияние на идеологию формирования Великой Восточноазиатской сферы совместного процветания. Наряду с этим борьба японских политиков на международной арене против расовой сегрегации на практике демонстрировала серьезность их намерений добиваться построения более справедливого мира.

Хотя до настоящего времени исследователи (за исключением Т. Анно) не ставили вопроса об известном сходстве внутренней и внешней политики, проводимой Японской империи и СССР, представляется, что он имеет значительные перспективы. С точки зрения геополитики, Японская империя и СССР, будучи аномальными в контексте их сравнения с западными империями, последовательно выстраивали альтернативные версии развития современности: социалистической и паназиатской.

Заключение

В настоящей публикации было привлечено внимание к нескольким направлениям исследований, которые позволяют выявить сходство и «точки пересечений» Японской империи и СССР на пути конфронтации с современным мировым порядком. Среди них – борьба с идеологией западного империализма, борьба с расовым и глобальным неравенством; поддержка антиколониального движения в странах мира; близкие подходы к вопросам национального строительства в многонациональной стране; «тотальный» и масштабный характер приемов пропаганды в обеих странах. После крушения двух государств, в 1945 и 1991 года, они столкнулись со схожими политическими и коллективными практиками забвения, переживаний и необходимостью осмысления травматичных фактов своей истории.

Результаты настоящей публикации, возможно, вызовут интерес к проблематике сравнительного изучения Японской империи и СССР в рамках современных исторических и социо-культурных концепций: истории цивилизаций, имперской истории, истории памяти, нациестроительства, глобальной и транснациональной историй.

Литература:

Anno, 2019 – *Anno T.* National Identity and Great-Power Status in Russia and Japan: Non-Western Challengers to the Liberal International Order. London, New York: Routledge, 2019. 212 p.

Aydin, 2019 – *Aydin C.* The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought. New York: Columbia University Press, 2019. 320 p.

Bukh, 2011 – *Bukh A.* Japan's National Identity and Foreign Policy Russia as Japan's 'Other'. London; New York: Routledge, 2011. 192 p.

Bukh, 2020 – *Bukh A.* These Islands Are Ours: The Social Construction of Territorial Disputes in Northeast Asia. Stanford University Press 232

Formations of Colonial Modernity Barlow ..., 1997 - Formations of Colonial Modernity in East Asia /Ed. Barlow T.E. Durham, N.C.: Duke University Press, 1997. 464 p.

Burkman, 2008 – *Burkman T.W.* Japan and the League of Nations: Empire and World Order, 1914–1938. Honolulu, Hawaii: University of Hawaii Press, 2008. 312 p.

Routledge Handbook of Trauma ..., 2024 - Routledge Handbook of Trauma in East Asia / Eds. Burrett T., Kingston J. London; New York: Routledge. 2024. 446 p.

Conrad, 2010 – *Conrad S.* The Quest for the Lost Nation: Writing History in Germany and Japan in the American Century. University of California Press, 2010. 400 p.

Conrad, 2012 – Conrad C. The Colonial Ties are Liquidated: Modernization Theory, Post-War Japan and the Global Cold War» // Past & Present, 2012. № 216. P. 181-214. DOI:10.2307/23360228

Duara, 2004 – *Duara P.* Sovereignty and Authenticity Manchukuo and the East Asian Modern. Rowman & Littlefield, 2004. 320 p.

Duara, 2006 – *Duara P.* Ethnos (minzoku) and Ethnology (minzokushugi) in Manchukuo // Asia Research Institute Working Paper. 2006. № 74. P. 1 – 30.

Duus, 1996 – *Duus P.* Introduction. Japan's Wartime Empire: Problems and Issues / The Japanese Wartime Empire, 1931-1945. Eds. Duus P., Myers R. H., Peattie M. R. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1996. xi – xlvii p.

The Japanese Wartime Empire ..., 1996 – The Japanese Wartime Empire, 1931-1945 / Eds. Duus P., Myers R. H., Peattie M. R. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 1996. 432 p.

Asianisms: regionalist interactions ..., 2016 – Asianisms: regionalist interactions and Asian integration / Eds. Frey M., Spakowski N. Singapore: NUS Press. 2016. 294 p.

The Japanese Empire in East Asia ..., 1998 – The Japanese Empire in East Asia and Its Postwar Legacy / Ed. Fuess H. München: Iudicium-Verl, 1998. 253 p.

Harootunian, 1993 – *Harootunian H.D.* America's Japan/ Japan's Japan / Eds. Masa M., Harootunian H.D. Japan in the World. Durham: Duke University Press. 1993. P. 196 – 221.

Hashimoto, 2015 – *Hashimoto A.* The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan. New York: Oxford Academic, 2015. 208 p.

The New Cambridge History ..., 2023 – The New Cambridge History of Japan: Volume 3, The Modern Japanese Nation and Empire, c.1868 to the Twenty-First Century / Ed. Hein, L. Cambridge University Press, 2023. 860 p.

Hotta, 2013 – *Hotta E.* Pan-Asianism and Japan's War 1931-1945. Palgrave Macmillan, 2013. 306 p.

Transnational Japan as History ..., 2016 – Transnational Japan as History: Empire, Migration, and Social Movements / Eds. Iacobelli P., Leary D., and Takahashi Sh. Palgrave Macmillan. 2016. 288 p.

Kishida, 2021 – Kishida Y. H. Kenkoku University and the Experience of Pan-Asianism: Education in the Japanese Empire. London: Bloomsbury Academic, 2021. 288 p.

Overcoming Empire in Post-Imperial ..., 2020 – Overcoming Empire in Post-Imperial East Asia: Repatriation, Redress and Rebuilding / Eds. Kushner B., Muminov Sh. London: Bloomsbury Academic 2020. 240 p.

Kushner, 2021 – *Kushner B.* The Thought War: Japanese Imperial Propaganda. University of Hawai'i Press, 2021. 256 p.

Lebra 1975 – *Lebra J.C.* Introduction / Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. Ed. Lebra J.C. Kuala Lumpur: Oxford University Press. ix – xxi p.

Japan's Greater East Asia ..., 1975 – Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. Ed. Lebra J.C. Kuala Lumpur: Oxford University Press. 1975. 212 p.

Japan in the World..., 1993 – Japan in the World. Durham / Eds. Masao M., Harootunian H.D. Duke University Press. 1993. 368 p.

Matsusaka, 2001 – *Matsusaka Y.T.* The Making of Japanese Manchuria, 1904-1932. Cambridge (Massachusetts), London: Harvard University Press, 2001. 550 p.

Maw, 1968 – Maw B. Inversion of the Japanese Goals / Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents. Ed. Lebra J.C. Kuala Lumpur: Oxford University Press. 1975. P. 157 – 158.

Murthy, 2023 – *Murthy V.* Pan-Asianism and the legacy of the Chinese Revolution. Chicago: The University of Chicago Press, 2023. 288 p.

Linkhoeva, 2020 – *Linkhoeva T.* Revolution goes East : imperial Japan and Soviet communism. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2020. 282 p.

Linkhoeva, 2023 – *Linkhoeva T.* Samurai and Mongols: How a medieval samurai became Chinggis Khan // Journal of World History. № 34. P. 3.

Martin, 2001 – *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Cornell University Press, 2001. 496 p.

Muminov, 2022 – *Muminov Sh.* Eleven Winters of Discontent: The Siberian Internment and the Making of A New Japan, 1945-1956. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2022. 384 p.

The Japanese Colonial Empire ..., 1984 – The Japanese Colonial Empire, 1895-1945 / Eds. Myers R.H., Peattie M.R. Princeton: Princeton University Press. 1984. 560 p.

Imperial Japan and national identities ..., 2003 – Imperial Japan and national identities in Asia, 1895-1945 / Eds. Narangoa Li., Cribb R.B. London, New York: Routledge. 2003. 384 p. <https://doi.org/10.4324/9781003062424>

Peattie, 1984 – *Peattie M.R.* Introduction / The Japanese Colonial Empire, 1895-1945 / Eds. Myers R.H., Peattie M.R. Princeton: Princeton University Press. 1984. P.3 – 52.

Pan-Asianism in Modern Japanese ..., 2003 – Pan-Asianism in Modern Japanese History Colonialism, Regionalism and Borders / Eds. Saaler S., Koschmann J.V. Routledge. 2003. 304 p.

Saaler, 2023 – *Saaler, S.* Nationalism, history, and collective narcissism: Historical revisionism in twenty-first-century Japan / The Routledge handbook of nationalism in East and Southeast Asia / Ed. Zhouxiang L. New York, NY: Routledge. 2023. P.234 – 250.

Shimazu, 2009 – *Shimazu N.* Japan, Race and Equality: The Racial Equality Proposal of 1919. Routledge, 2009. 268 p.

Smith, 2021 – *Smith C.A.* Chinese Asianism, 1894–1945. Cambridge: Harvard University Press, 2021. 320 p.

Nationalism and Internationalism in Imperial ..., 2003 – Nationalism and Internationalism in Imperial Japan: Autonomy, Asian Brotherhood, or World Citizenship? / Ed. Stegewerns, D. London, New York: Routledge. 2003. 272 p.

Szpilman, Saaler, 2011 – *Szpilman Ch.W., Saaler S.* Pan-Asianism as an Ideal of Asian Identity and Solidarity, 1850–Present. *Asia-Pacific Journal: Japan Focus*, 9 (17), 1–28. [Электронный ресурс] URL: <https://apjpf.org/wp-content/uploads/2023/11/article-2714.pdf> (Датаобращения: 23.08.2025).

Crossed Histories: Manchuria in the Age ..., 2005 – *Crossed Histories: Manchuria in the Age of Empire* / Ed. Tamanoi M.A. University of Hawai'i Press. 2005. 244 p.

Ward, 1945 – *Ward R.* Post-War Implications of the Sphere / *Japan's Greater East Asia Co-Prosperity Sphere in World War II: Selected Readings and Documents*. Ed. Lebra J.C. Kuala Lumpur: Oxford University Press. 1975. P. 153 – 156.

Yellen, 2019 – *Yellen J.A.* The Greater East Asia Co-Prosperity Sphere: when total empire met total war. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2019. 298 p.

Young, 1988 – *Young L.* Japan's Total Empire: Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism. Berkeley: University of California Press, 1988. 500 p.

The Routledge handbook of nationalism ..., 2023 – *The Routledge handbook of nationalism in East and Southeast Asia* / Ed. Zhouxiang L. New York, NY: Routledge. 2023. 640 p.

¹ ЕржанЗ.М., ²Масалимова Ә.Р.

¹ Еуразиялық технологиялық университеті, Алматы, Қазақстан,

² Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Астана, Қазақстан,

E-mail: ¹zemfirayerzhan@gmail.com, ²a.masalimova@apa.kz

ЖАПОН ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ЖАҢА ТАРИХНАМАСЫ ЖӘНЕ ЖАПОН ИМПЕРИЯСЫ МЕН КСРО-НЫ САЛЫСТЫРМАЛЫ ЗЕРТТЕУ ПЕСПЕКТИВАЛАРЫ

Аңдатпа. Мақала Жапония империясының ағылшын тіліндегі ревизионистік тарихнамасын зерттеуге арналған, бұрынғы оны тек ұлтшыл экспансионистік саясатты жүзеге асыратын милитаристік отаршылдық режим ретінде қалыптасқан көзқарасты қайта қарастырады. Сонымен бірге жапон империясының тарихының ашылған беймәлім фактілері XX ғасырдың бірінші ширегіндегі геосаясаттағы жапондық және кеңестік стратегиялары арасындағы белгілі бір ұқсастықты көруге мүмкіндік береді. Зерттеудің жаңалығы паназиатизм идеяларымен шабыттанған Жапон империясы мен социалистік КСРО Батыс империализміне қарсы модерннің баламалы жобаларын жүзеге асырған бастамашылары ретіндегі ролін салыстырмалы түрде зерттеудің перспективаларына назар аударуында. Зерттеудің мақсаты - Жапония империясы мен КСРО-ны заманауи Батыс империяларынан түбегейлі ажырататын белгілерді зерттеу. Екі ел өздерін антиимпериалистік күрестің белсенді агенттері ретінде көрсетті, нәсілдік теңдікті жақтады, Азиядағы отаршылдыққа қарсы қозғалыстарды қолдады; халықтардың теңдігі мен өзара бейбіт өмір сүруіне негізделген әлеуметтік даму жобаларын жүзеге асыруға ұмтылды. Мақаланың мақсаты – қазіргі ағылшын тіліндегі тарихнама материалдары негізінде Жапония империясы мен КСРО-ның сыртқы және ішкі саясатын салыстырмалы түрде зерттеудің заңдылығын негіздеу. Мақала мәдениеттану әдістемесіне негізделген, оның қолшатыр тәрізді пән екенін ескере отырып, өркениеттік көзқарас, жаңа империялық тарих, жаһандық және трансұлттық тарих, жады тарихы концепцияларына жүгінеді. Мақаланың нәтижелері бұрын параллель болып көрінген және ешбір қиылысу нүктелерін білдірмейтін Жапония империясы

мен КСРО батыстық әлемдік тәртіпке балама ретінде даму траекторияларын салыстырмалы түрде зерттеу перспективаларына бағытталған.

Кілт сөздер: Жапон империясы, модерннің альтернативті жобалары, жады тарихы, империялар тарихы, Жапония империясы мен КСРО-ның салыстырмалы зерттеулері, паназиатизм, Жапония империясының ағылшын тіліндегі ревизионисттік тарихнамасы

¹Yerzhan Z.M., ²Massalimova A.R.

¹ Eurasian Technological University, Almaty, Kazakhstan,

² Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Kazakhstan

E-mail: ¹zemfirayerzhan@gmail.com, ²a.masalimova@apa.kz

NEW HISTORIOGRAPHY OF THE JAPANESE EMPIRE AND PROSPECTS FOR COMPARATIVE STUDY OF THE JAPANESE EMPIRE AND THE USSR

Abstract. The article is devoted to the study of revisionist English-language historiography of the Japanese Empire, within the framework of which its one-dimensional interpretation as a militaristic colonial regime implementing a nationalistic expansionist policy is revised. At the same time, little-known facts of the history of the Japanese Empire revealed allow us to discover a certain similarity between the strategies of Japanese and Soviet policies on the geopolitical stage of the first quarter of the twentieth century. The novelty of the study lies in the fact that it draws attention to the prospects of a comparative study of the Japanese Empire inspired by the ideas of pan-Asianism and the socialist USSR as initiators of the creation of alternative projects of modernity opposing Western imperialism. The objective of the study is to study the features that fundamentally distinguish the Japanese Empire and the USSR from modern Western empires. Both countries positioned themselves as active agents of the anti-imperialist struggle, advocated racial equality, supported anti-colonial movements in Asia; sought to implement social development projects based on the equality of peoples and their peaceful coexistence. The purpose of the article is to substantiate the regularity of a comparative study of the foreign and domestic policies of the Japanese Empire and the USSR, based on the materials of modern English-language historiography. The article is based on the methodology of cultural studies, which, being an umbrella discipline, appeals to the concepts of a civilizational approach, new imperial history, global and transnational histories, and the history of memory. The results of the article focus on the prospects for a comparative study of the trajectories of the development of the Japanese Empire and the USSR, alternative to the Western world order, which previously seemed parallel and did not imply any points of intersection.

Keywords: Japanese Empire, alternative projects of modernity, history of memory, history of empires, comparative studies of the Japanese Empire and the USSR, pan-Asianism, revisionist English-language historiography of the Japanese

Авторлар туралы мәлімет:

Ержан Земфира Мәлскызы, әлеуметтік ғылымдар магистрі, Еуразиялық технологиялық университеті, Алматы, Қазақстан.

Масалимова Әлия Рмгазиновна, философия ғылымдарының докторы, PhD (философия), Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, Астана, Қазақстан.

Информация об авторах:

Ержан Земфира Мәлскызы, магистр социальных наук, Евразийский технологический университет, Алматы, Казахстан.

Масалимова Алия Рмгазиновна, Доктор философских наук PhD, Академия государственного управления при президенте республики Казахстан, Астана, Казахстан.

Information about authors:

Yerzhan Zemfira Melskysy, Master of Social Sciences, Eurasian Technological University, Almaty, Kazakhstan.

Massalimova Aliya Rmgazinovna, PhD (philosophy), Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan.